

В. И. АНТЮХИНА-МОСКОВЧЕНКО

Шарль де Голль и Советский Союз

<Фрагменты>

<...>

В отличие от общего мнения, де Голль более правильно и реалистично оценил вступление в войну СССР и связанные с этим последствия. Он узнал о начале советско-германской войны 23 июня, находясь в Дамаске, и сразу понял: «тот факт, что Россия оказалась втянутой в войну, открывал перед разгромленной Францией новые большие надежды»*. <...>

<...>

<...> Он добивался именно непосредственных отношений между «Свободной Францией» и Советским Союзом.

В своих «Военных мемуарах» де Голль не скрывал, что испытывал некоторые опасения, что было вполне естественно для него как буржуазного деятеля, поскольку предвидел неизбежное усиление в будущем роли социалистического государства — СССР. <...> Но де Голль исходил из предвидения явных преимуществ, которые мог дать побежденной Франции союз с этой великой державой. Прежде чем философствовать, считал он, нужно завоевать право на жизнь, то есть победить, что без участия России было невозможно. К тому же он исходил из возможности возникновения некоторых разногласий в будущей антигитлеровской коалиции и рассчитывал на поддержку СССР движения «Свободная Франция». В целом он взял на себя задачу восстановить давние традиции франко-русских отношений. Об этом свидетельствует его телеграмма от 27 июня 1941 г. И. В. Сталину, в которой выражена уверенность в окончательной победе союзников благодаря

---

* *Голль Ш. де.* Военные мемуары: Призыв 1940–1942. М.: АСТ, 2003. С. 252.

героизму советских армий и в том, что новые связи между русским и французским народами «станут существенным элементом будущей реконструкции мира»*.

Получив сведения о разрыве правительством Виши отношений с Москвой, де Голль направил 2 августа из Бейрута телеграмму в Лондон, предписывающую его сотрудникам начать с послом СССР И. М. Майским секретные переговоры полуофициального характера по вопросу об установлении отношений с Советским правительством. 8 августа его представители Кассен и Дежан беседовали с Майским, который держался уклончиво.

По всей вероятности, де Голль не ожидал от советского посла в Лондоне особой готовности содействовать его планам и потому начал параллельные переговоры через советского посла в Турции С. Виноградова. 10 августа последний принял неофициального представителя де Голля в Турции журналиста Жеро Жува, который сообщил, что генерал уже поднимал вопрос об установлении прямого контакта своего движения с Советским правительством «перед послом СССР в Лондоне Майским, но пока не получил ответа». Затем Жув подробно изложил точку зрения де Голля, подчеркнув, что вступление в войну СССР «является для нас шансом, на который мы раньше не надеялись»**, и что он уверен в победе. 21 августа Виноградов сообщил Жуву о согласии своего правительства обменяться представителями с генералом де Голлем, установив с ним отношения на такой же базе, на какой они основываются с британским правительством.

Однако де Голль, давно стремившийся придать своему движению более представительный характер, получив положительный ответ Советского правительства, решил прежде создать давно задуманный им Французский национальный комитет (ФНК), который должен был стать выразителем мнения различных слоев французского народа и выполнять функции политической организации. Вернувшись в Лондон, де Голль 24 сентября 1941 года образовал ФНК, о чем уведомил всех дипломатических представителей***.

Получив соответствующие указания из Москвы, И. М. Майский 26 сентября сообщил де Голлю: «Советское правительство

---

* *Mourin M.* Les relations franco-soviétiques (1917–1967). Paris, 1967. P. 259, 260.

** См. Документ № 4.

*** *Голль Ш. де.* Указ. соч. Т. 1. С. 743–746.

признает Вас как руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились, которые сплотились вокруг Вас, поддерживая дело союзников»... В тот же день де Голль направил письмо советскому послу, в котором повторялись те же формулировки <...>.

<...>

Обмен письмами между СССР и ФНК был равноценен союзному соглашению на время войны и имел большое положительное значение для обеих стран. Нужно сказать, что де Голль всегда сохранял глубочайшее уважение к русскому народу и его армии и стремился упрочить советско-французское сотрудничество. Во время же войны у ФНК не было подобного соглашения ни с одной великой державой. <...>

Нельзя забывать, что де Голль выражал твердую уверенность в победе России даже тогда, когда советские войска терпели тяжелые поражения на полях сражений, и никогда не упускал случая подчеркнуть успехи Советского Союза в боях с немцами. <...> Де Голль уже не сомневался в провале гитлеровских планов «молниеносной войны» против СССР, несмотря на то что все силы Германии и ее сателлитов были брошены против страны Советов. «В то время как мощь Германии и ее престиж поколеблены, — сказал он, — солнце русской славы восходит к зениту». Касаясь проблемы будущей расстановки международных сил, де Голль заметил: «В политическом отношении тот факт, что завтра Россия, несомненно, будет фигурировать в первом ряду победителей, дает Европе и всему миру гарантию равновесия, радоваться которому у Франции гораздо больше оснований, чем у любой другой державы. К общему несчастью, слишком часто на протяжении столетий на пути франко-русского союза встречались помехи или противодействия, порожденные интригами или непониманием. Тем не менее необходимость в таком союзе становится очевидной при каждом новом повороте истории». Высказав таким образом убеждение в необходимости франко-русского союза, руководитель «Свободной Франции» резко осудил «предателей и трусов», выдавших Францию врагу и опасующихся социальных потрясений в результате победы Советского Союза. «Французская нация презирает это очередное оскорбление, — констатировал он, — она знает себя достаточно хорошо, чтобы понимать, что выбор ее собственного режима всегда будет только ее собственным делом»*.

* СФОТ. С. 55–56; СФОТ. Т. 1. С. 64–65; *Голль III. де. Указ. соч.* Т. 1. С. 657–658.

Конечно, это выступление было прежде всего обращено к французскому народу, и де Голль учитывал влияние мощной антисоветской пропаганды во Франции. Но в известной мере здесь сказывалось и некоторое беспокойство самого генерала — он отнюдь не был сторонником советской политической и экономической системы. В феврале 1942 года де Голль направил в Москву в качестве представителя ФНК Роже Гарро, бывшего посланника в Банкоке, присоединившегося к «Свободной Франции». 13 марта Гарро уже был принят наркомом иностранных дел и между ними состоялась длительная дружественная беседа. По-видимому, де Голль поручал Гарро поднять вопрос о возможности его поездки в СССР уже в тот период, поскольку в отчете о беседе с Молотовым Гарро писал, что не счел нужным при первой встрече затрагивать проблему «возможности вашего визита в Москву»*.

Но вскоре де Голлю представился случай обсудить проблемы будущих отношений Франции и СССР даже на более высоком уровне. Весной 1942 года в Лондоне с визитом находился Молотов. 24 мая де Голль имел с ним полуторачасовую беседу. В ответ на сетования генерала относительно трудностей, которые создают его движению США и Англия, стремящиеся свести его до уровня чисто военной организации и лишить политического значения, Молотов твердо заверил, что Советское правительство желало бы видеть французский «суверенитет полностью восстановленным и Францию возрожденной во всем ее прежнем величии и блеске». Касаясь вопроса об участии СССР в современной войне, де Голль отметил, что его военная мощь и усилия произвели громадное впечатление на французский народ, но что это не означает готовности последнего подражать Советскому Союзу в построении внутрифранцузского режима. На это ему в категорической форме было заявлено: «Советское правительство считает, что внутренний режим Франции — это дело самого французского народа, который сам выберет себе систему и правительство, которые обеспечат счастливое будущее и процветание Франции. Советское правительство не будет вмешиваться во внутренние дела Франции»**.

Молотов не стал объяснять де Голлю, что невмешательство во внутренние дела — основной внешнеполитический принцип

* *Голль Ш. де.* Мемуары. Т. 1. С. 660.

** СФОТ. С. 79–80, 81; СФОТ. Т. 1. С. 92–94.

мирного сосуществования социалистического государства, но его твердое заверение, что СССР не будет вмешиваться во внутреннюю жизнь Франции, произвело большое впечатление и было встречено с удовлетворением и полным доверием. Тем более что оно вскоре было закреплено и в официальном документе. В подписанном и согласованном обеими сторонами коммюнике об этой беседе, опубликованном в Москве 24 июня, подчеркивался ее сердечный и дружественный характер и подтверждалось «желание Советского правительства видеть Францию свободной и способной вновь занять в Европе и в мире свое место великой демократической антигитлеровской державы», а также выражалась благодарность Национального комитета Советскому правительству за «понимание и поддержку»*.

Советское правительство действовало последовательно в своей политике поддержки движения «Свободная Франция», которое было переименовано 13 июля 1942 года в движение «Сражающаяся Франция» с целью подчеркнуть его активный и боевой характер. Пойдя навстречу просьбе де Голля, правительство СССР подписало 28 сентября 1942 года совместное коммюнике с ФНК об определении его полномочий. ФНК, указывалось в документе, «является руководящим органом «Сражающейся Франции» и единственным органом, обладающим правом организовывать участие в войне французских граждан и французских территорий и представлять их интересы при правительстве Союза Советских Социалистических Республик, особенно в той мере, в какой эти интересы затрагиваются ведением войны»**.

Признание ФНК имело огромное значение для утверждения авторитета деголлевского движения, поскольку его отношения с союзниками, особенно с США, характеризовались резкими столкновениями и временами едва не доходили до полного разрыва. Так, например, в беседе с А. Е. Богомоловым 6 июня 1942 года де Голль, сообщив о намерении порвать отношения с английским правительством, задал послу такой вопрос: «Примет ли Советское правительство его и его войска на свою территорию» в этом случае? Правда, неделю спустя Дежан, вернувшись к этой теме,

---

* СФОТ. С. 85. Слова «демократической антигитлеровской» были вставлены по предложению Вышинского (с. 84); СФОТ. Т. 1. С. 100, 101; Известия. 1942. 24 июня. № 146.

** СФОТ. С. 97; Известия. 1942. 29 сент. № 229; СФОТ. Т. 1. С. 119.

сказал советскому представителю, что де Голль в последней беседе с ним «невольно преувеличил свои разногласия с английским правительством и зря поставил вопрос о переезде французов в СССР»*. Но известно также, что именно войскам де Голля было запрещено участвовать в высадке союзников 8 ноября 1942 года во Французской Северной Африке. Подобная позиция союзников, в первую очередь США, объяснялась их провишистской политикой и намерением отстранить деголлевское движение и внутреннее движение Сопротивления от решения проблем послевоенного устройства Франции. <...>

<...>

Поскольку для де Голля всегда во время войны важно было не столь даже непосредственное участие французских сил ФНК в военных операциях союзников, сколь восстановление сильного французского государства, построенного на буржуазной основе, его чрезвычайно волновало усиление влияния ФКП в Движении Сопротивления в оккупированной Франции. Он никогда не скрывал, что опасался возможности прихода коммунистов к власти после освобождения страны. Генерал, надо полагать, искренне считал, что ФКП вступила в войну якобы только с тех пор, как Гитлер вторгся в Россию», хотя эта точка зрения совершенно не соответствует действительности. Верно лишь то, что вступление в войну СССР как бы раздвинуло горизонты будущей победы прогрессивных сил Европы над фашизмом и в самом деле способствовало значительной активизации внутреннего Сопротивления, но не только деятельности ФКП, а также и других организаций французского Сопротивления.

Вместе с тем де Голль, стремясь быть объективным, не может отказать ФКП в том, что она, «не считаясь с жертвами, принимает участие в движении Сопротивления, напоминает о бедах, переживаемых Францией, и о народном горе, стараясь слить национальное восстание и социальную революцию в единую освободительную силу, и претендует на ореол спасителя общества». Именно это обстоятельство и усиливало опасения генерала, который уже после войны писал: «Эта партия хотела бы казаться силой, способной обеспечить какой-то порядок в тот день, когда волна анархии может разлиться по стране. А кроме того, разве эта партия не сможет предложить Франции, униженной Франции, активную помощь

---

* СФОТ. С. 82; СФОТ. Т. 1. С. 98.

России, самой мощной державы в Европе? Таким образом, коммунистическая партия рассчитывает, что крушение режима Виши предоставит ей случай установить у нас свою диктатуру»*.

<...>

Де Голля не покидала мысль об участии французов в боях вместе с советскими войсками. И вскоре после того, как его идея отправки в СССР французской дивизии из Сирии отпала, он предложил Советскому Союзу послать на советско-германский фронт тридцать французских летчиков и тридцать человек обслуживающего персонала. Соответствующая нота была направлена в Москву 8 апреля 1942 года, в мае шли переговоры между Гарро и Вышинским, а в Лондоне де Голль повторил это предложение в беседе с Молотовым. В июле Советское правительство дало официальное согласие, и стороны приступили к выработке конкретной договоренности. Первая группа французских летчиков, всего шестнадцать человек, прибыла в СССР 28 ноября 1942 года на маленький запасной аэродром в районе Каспийского моря. Советские войска уже перешли в наступление под Сталинградом, но предстояли другие ожесточенные бои, и прежде всего битва на Курской дуге. В этой битве участвовали и летчики эскадрильи «Нормандия», впоследствии увеличенной до полка «Нормандия — Неман». Советские люди не забывают, что это было единственное воинское соединение западных держав, сражавшееся на советско-германском фронте**.

В дни Курской битвы, начавшейся 5 июля 1943 года, французские летчики решили отметить день своего национального праздника. 14 июля они выстроились по стойке смирно и был торжественно поднят трехцветный французский флаг. Как рассказывают очевидцы, французские летчики были глубоко взволнованы тем, как в тот день в условиях жесточайших боев на русской земле их советскими соратниками с трогательным вниманием был организован для них праздничный завтрак на открытом воздухе, как но- братски вместе с французами и советские воины отмечали этот великий для народа Франции день. «В России сражались в условиях, весьма далеких от комфорта, — вспоминали французы, — но русские делали все, что могли, и так было всегда, дабы улучшить жизненные условия для своих товарищей по оружию,

* Там же. Т. 2. С. 8, 9.

** См.: *Моно М.* Нормандия — Неман. М., 1963; *Monod M.* Normandie — Niemen. P., 1960.

прибывших из такого далека, чтобы сражаться вместе с ними»*. Это братство по совместной борьбе продолжалось до конца войны. «На русской земле, израненной, как и земля французская, одним и тем же врагом, — сказал в дни летних боев 1943 года генерал де Голль, — полк «Нормандия», мой товарищ по борьбе, поддерживает, демонстрирует и множит славу Франции»**.

<...>

Опираясь на подписанное 28 сентября 1942 года совместное коммюнике с СССР об определении полномочий ФНК, де Голль пришел к выводу о необходимости расширения и укрепления связей «Сражающейся Франции» с движением Сопротивления в самой Франции. Он понял, что в борьбе за независимость страны он должен искать поддержки французского народа, включая при этом коммунистов. Чрезвычайный интерес в этом отношении представляет анализ его беседы с А. Богомоловым, состоявшейся 26 сентября, т. е. накануне подписания коммюнике. Касаясь своих взаимоотношений с англосаксонскими союзниками и предстоящей их высадки на территории французских колоний без участия его воинских соединений, генерал вдруг сказал: «Если бы завтра ко мне пришел кто-либо из вождей Французской коммунистической партии с единственным заявлением о готовности вместе со мной драться против немцев, то я бы его принял. Я хочу объединить всех французов, которые хотят драться с Германией»***. Посол немедленно доложил об этом в Москву, где сразу оценили и справедливые цели де Голля в войне, и реализм его политики.

Что же касается ФКП, то с лета 1940 года, с самого начала движения Сопротивления, она считала необходимым добиваться единства всех антифашистских сил. Так, например, подпольная «Юманите» за 5 и 10 марта 1941 года призывала к единству всех сил Сопротивления. Затем она распространила свою декларацию «Национальная политика Французской коммунистической партии». В этом документе ФКП снова выразила намерение поддержать всякое правительство или всякое лицо, которое на деле будет бороться против национального угнетения Франции****. Поэтому ФКП была готова вступить в контакт с движением «Сража-

* *Frossard A. La vie et les actes de Ch. de Gaulle. P., [1983]. P. 87.*

** *Ibid.; Etudes sovietiques. 1983. Mai. P. 6–7.*

*** *СФОТ. С. 95; СФОТ. Т. 1. С. 117.*

**** *Humanite. 1941. 5 mai, 20 juin.*

ющаяся Франция». 25 ноября 1942 года представитель ЦК ФКП встретился с посланцем де Голля и они договорились о программе совместных действий с целью подготовки всенародного восстания. В январе 1943 года в Лондон прибыл уполномоченный ЦК ФКП Ф. Гренье в качестве представителя при ФНК*.

<...>

3 июня 1943 года в Алжире был образован Французский комитет Национального освобождения (ФКНО), в который на паритетных началах вошли представители алжирской администрации генерала Жиро и лондонского ФНК, прекратившего с этого времени свое существование. Оба генерала значились председателями ФКНО, но вскоре единственным главой нового правительства стал де Голль. 16 июня СССР получил официальную ноту о создании ФКНО. Днем раньше английское посольство в СССР сообщило Советскому правительству, что, поскольку не урегулированы отношения между генералами, оно считает преждевременным признание ФКНО, но получило ответ, что СССР «не находит целесообразным откладывать признание Комитета»**. Одновременно А. Е. Богомолу была направлена для ориентировки и руководства телеграмма за подписью Молотова, которая определяла причины поддержки де Голля Советским правительством. Их было две. Первая — предпочтение оказывается де Голлю, «так как он является непримиримым к правительству Виши и гитлеровской Германии, тогда как у генерала Жиро отсутствует такая непримиримость». И вторая — поскольку де Голль «твердо отстаивает политику восстановления республиканской Франции с ее демократическими традициями, тогда как генерал Жиро проявляет враждебность в отношении республиканско-демократических традиций Франции и боится иметь тесный контакт с народными массами Франции»***.

Англия и США были все же вынуждены вместе с СССР официально признать 26 августа 1943 года ФКНО, причем Советский Союз признал его без оговорок, «как представителя государственных интересов. Французской Республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской

* Grenier F. C'était ainsi... Souvenirs. P., 1959.

** СФОТ. С. 152, 158–159; 164; СФОТ. Т. 1. С. 200, 206–207, 212.

*** СФОТ. Т. 1. С. 204.

тирании». Англия и США признали ФКНО не правительством, а лишь органом, действующим с ограниченными правами во время войны и только на территориях, признающих его власть*.

<...>

Только убедившись в том, что де Голль обладает реальной властью во Франции и твердо стоит за сохранение буржуазного государства, правительства Англии и США оказали ему поддержку. В конце октября (1944 г. — *Сост.*) правительство США вдруг заявило о намерении немедленно признать его де-юре. Даже Черчилль, находившийся тогда в Москве, был удивлен «весьма резким жестом государственного департамента». 23 октября он телеграфировал Рузвельту: «Мы, конечно, предпримем одновременно аналогичный шаг. Я думаю, русские возможно будут обижены. В разговоре Молотов сказал, что как он полагает, создается впечатление, будто они чинили препятствия, тогда как они (русские) давно заявили бы о признании, но учитывали желания американцев и англичан. Я надеюсь поэтому, что их также можно привлечь». 23 октября 1944 г. Временное правительство де Голля было признано одновременно тремя великими державами. Ноты о признании были вручены министру иностранных дел послами трех держав и Канады на общем приеме, где от имени всех вступительное слово произнес советский посол А. Е. Богомолов.

<...>

Опыт советско-французских отношений в критические годы второй мировой и Великой Отечественной войн убедительно доказал плодотворность взаимовыгодного сотрудничества государств различных социально-экономических систем и как бы прогнозировал возможность продолжения такого сотрудничества и в послевоенное время в целях сохранения мира и безопасности народов и недопущения новой мировой войны.

---

* Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М» 1957. Т. 1. С. 138, 139; СФОТ. С. 195, 189–192.